

любовный роман для попаданки

мила лис

Мила Лис

Любовный роман для попаданки

«Автор»

2026

Лис М.

Любовный роман для попаданки / М. Лис — «Автор», 2026

Искупаться в душе и попасть в другое время - это ко мне. Теперь я баронесса - наследница умирающей типографии и пустой книжной лавки. Пока без денег, но с новыми знакомыми и множеством идей. Любовь, секреты, бытовые трудности! Теперь все это - мои проблемы и я, Катерина Сотникова, собираюсь их решить при помощи...любовных романов!

ХЭЛюбовьДружбаГерцогТипография

© Лис М., 2026

© Автор, 2026

Мила Лис

Любовный роман для попаданки

1.

— Огня, Кира, добавь огня! — голосовое сообщение от Вики, редакторши малоизвестной, но стремительно набирающей обороты читательской платформы, визжало так, будто в телефоне поселился разъярённый попугай. Звук эхом отскочил от уютных стен моей маленькой квартиры и повис в воздухе, даже когда экран погас. Голос Вики всё ещё звенел где-то между книжными полками и чашкой остывшего кофе.

К этому «тыканию» от молодёжи я худо-бедно привыкла за год работы — ну какая из меня «Кира» для двадцатилетней девчонки? А ещё вот это вечное требование «добавить огня» каждый раз вгоняло в ступор. Последний «огонь» в моей жизни случился пару лет назад и потух так же стремительно, как вспыхнул — оставив после себя лишь лёгкое чувство неловкости и кучу непрочитанных сообщений.

Зато было одно утешение: мои любовные романы, выстраданные в бессонных ночах и сжатых сроках, пользовались бешеной популярностью у дам самого разного возраста — от «ещё рано» до «любви все возрасты покорны».

— Ладно, будет тебе огонь, маленькая террористка, — пробормотала я, покосившись на телефон, будто он мог передать моё ворчание прямо в ухо Вике. — Только сначала душ приму.

В ванной подмигивала лампочка, а бойлер уже заранее смотрел на меня с подозрением. Я быстро сбросила халат и шагнула под душ.

Бойлер тут же предупреждающе зашипел, потом закашлялся. Я только успела подумать: «Ну вот, опять...» — как воздух вдруг потяжелел, лампочка мигнула в последний раз, и резкий электрический разряд ударил по мне одновременно с водой из лейки. Яркая вспышка ослепила, а потом мир рассыпался на искры и погас.

...

— Барышня, просыпайтесь! Пора вставать, а то нам опять достанется от мисс Эксус! — настойчивый девичий шёпот ворвался в сон, где я отчаянно сражалась с концовкой любовного романа 18+.

Стоп. «Барышня»? В моей жизни это слово мелькало разве что на обложках любовных романов — тех самых, что я строчила для читательниц, пребывающих в самом расцвете читательских сил.

— Ммм... — протянула я, приоткрывая один глаз.

Надо мной нависала пухленькая рыжая девушка с толстой косой и россыпью веснушек, будто кто-то щедро сыпал её лицо корицей. Клише? Да! Но она действительно так выглядела.

— Мисс Эксус, барышня, — девушка отступила на шаг, явно желая убедиться, что я окончательно вынырнула из сна. — Пора собираться.

— Что, мисс Уксус? — произнесла я неожиданно мелодичным голосом, который, казалось, принадлежал кому-то другому.

— Эксус, барышня! — хихикнула пампушка, прикрыв рот ладошкой. Улыбка тут же сползла с её лица. — Она вчера вас наказала... — и она протянула руки, сплошь покрытые свежими красными рубцами.

— Ох ты ж... су..., — я вовремя прикусила язык, сообразив, что литературные обороты тут не помогут. — Суд над нами устроила? — ловко переобувшись на ходу, спросила я, усаживаясь на кровати.

— Какой суд, Катерина Максимовна, Бог с вами! Наказание за то, что абзац параграфа третьего, налогового кодекса, не уместился на одном листе, и вы перенесли его на второй.

Я удивлённо выгнула бровь. Девушка, не теряя ни секунды, принялась переплетать свою косу.

— Сверх нормы, говоришь... А ты тут при чём? — спросила я елейным голосом, заранее ненавидя эту мисс Эксус всеми фибрами своей пятидесятилетней души.

— Ну как при чём, барышня? Мы же с вами в паре работаем... — девушка потупила взгляд и принялась разглаживать несуществующие складки на юбке. — Я ещё легко отделалась. А вот вы... всю ночь в горячке метались, а под утро затихли. Мисс Эксус отходила вас по пояснице палкой. Давайте я помогу вам собраться — работа не ждёт!

И она заметалась по комнате, сгребая в сумку какие-то вещи с такой скоростью, будто спасалась от пожара.

Так, понятно. Эта Эксус лупит, как заправский бандит из девяностых — так, чтобы следов не осталось, а бедные девушки терпят этот беспредел. Ну ничего, разберёмся. Где наша не пропадала!

— То есть я всю ночь металась в горячке... Ты, выходит, тоже не спала по вине этой... мисс Уксус... и теперь на работу?

— Эксус, барышня, - хихикнула пампушка, - И да, на работу. Пропускать нельзя.

«Не грусти, милая девочка, я со всем разберусь. Особенно с этой мисс», — подумала я.

— И знаешь... юнная леди... Вчерашняя горячка... Я, кажется, вообще ничего не помню. Как тебя зовут?

Девушка на секунду замерла, а потом звонко рассмеялась:

— Ой, насмешили Катерина Максимовна! Какая же я вам леди! Я Стеша! — Тут до неё, похоже, начал доходить смысл моих слов. — Так вы что... совсем ничего не помните?

— Не-а. Рассказывай всё! — потребовала я.

— Да что рассказывать-то? - Молли с тревогой поглядывала на меня, разглаживая невидимые складки на платье

— Для начала скажи, где тут... нужду справить — я округлила глаза так выразительно, что, казалось, они вот-вот выскочат из орбит.

— Так за ширмой все, — покраснела Молли. — Я вас в коридоре подожду, как закончите — позовите. — И она пулей выскользнула за дверь.

Я наконец высунула ноги из-под одеяла. Нет, не ноги — ножки, аккуратненькие, размера эдак тридцать шестого. В два шага пересекла комнату. В ушах уже булькал выпитый накануне литр кофе, а ширма была сметена одним движением.

Горшок. Серьёзно? Железный, тяжёлый, без намёка на изящество. Да я в последний раз сидела на таком в детском саду «Ласточка», и то по большой необходимости. Где фарфоровый унитаз с розочками? Где цивилизация? Хорошо хоть умывальник с краном на месте.

Оглядевшись, я невольно поморщилась. Вокруг было как-то... бедненько... Но чистенько.

— Стеша!

Пампушка тут же просочилась в комнату и метнулась к шкафу, который занимал почти всю стену.

— Давайте я помогу вам одеться, времени совсем мало. Шевелитесь, барышня!

На внутренней дверце шкафа обнаружилось зеркало в полный рост. В нём отражалась Катерина Максимовна — то есть теперь я. А я ничего так: каштановые волосы и глаза цвета василькового поля. Только вид у меня был слегка растерянный.

Тем временем Стеша выудила из шкафа нечто, подозрительно напоминающее мешок из-под картошки.

— Это что за тряпка? — я подозрительно прищурилась и попятилась назад.

— Это форменное платье, барышня. Так положено. - Стеша встряхнула сию хлабуду и, не теряя надежды вовремя прийти на работу двинулась п мою сторону.

— Кем положено? И на что? — начала закипать я, когда форменная тряпка оустилась на мою голову.

— Так мисс Эксус... Она терпеть не может аристократок, тем более обедневших. Вот и отрывается на них. На вас, то есть.

— А мы обедневшие? — уже тише спросила я.

— Ещё какие! — робко улыбнулась Стеша, натягивая на меня это «платье».

Дальше в ход пошли гребень и шпильки. Стеша орудовала ими, как шеф-повар ножом: ловко, быстро и с пугающей уверенностью. Через минуту на моей голове красовался тугой узел, который мог выдержать даже ураган, смерч и наводнение впридачу.

— Всё готово, барышня. Нам пора.

На пороге я остановилась и с надеждой спросила:

— Стеша... Я правда ничего не помню. Ты мне pomoжешь?

Мой умоляющий взгляд сработал безотказно. Стеша прижала руки к груди и испуганно заглянула мне в глаза:

— Совсем-совсем память отшибло?

— Совсем, Стеша. Надежда только на тебя.

— Хорошо, барышня. - девушка обреченно вздохнула, - Я вам всё расскажу. Только постарайтесь сегодня не злить мисс Эксус. Тогда, может быть, в обеденный перерыв мы доберёмся до вашей лавки.

Она торопливо выставила меня за дверь и вышла следом, не забыв закрыть её на ключ.

«Лавка?» — пронеслось у меня в голове и там же и застряло.

Пока мы шли по коридору и спускались куда-то в подвал, вокруг не было ни души. Тишина стояла такая, что слышно было, как шуршат наши юбки. Стеша, она же Степанида Матвеева, сбивчиво поведала историю Екатерины Максимовны Сотниковой — то есть мою.

Катерина жила припеваючи с родителями в самом центре Осбурга до тринадцати лет. Потом маменька — Вера Михайловна — скончалась от неизвестной болезни, а папенька отправил дочку в Школу для благоводных девиц, которая находилась у чёрта на куличиках. До восемнадцати лет Катерина училась там, получая от отца редкие письма. А папенька, не успев опраться от горя, женился снова.

Новая хозяйка — Кларисса, в девичестве Лариска Селиванова, — никак не проявляла себя, пока Катерина не окончила школу и не вернулась в Осбург. Оказалось, что за время её отсутствия папенька скончался, а Катерина осталась без крыши над головой и без средств к существованию. Кларисса милостиво пустила «сиротку» переночевать, а потом отправила на работу к леди Эксус — мол, тут и заработок, и крыша над головой.

Стеша, которую вместе с Катериной отправили в школу, рассказала, что помимо папенькиной типографии, на доходы от которой жила семья, у маменьки была маленькая книжная лавка. О ней знали только Катерина и покойные родители. Ну и Стеша, которая всегда была рядом.

Что касается работы у мисс Эксус... Эта «рабовладелица» брала заказы на копирование государственных документов. На деле же молодые девушки вручную переписывали законы и кодексы каллиграфическим почерком, получая за это гроши.

— Напомни, сколько мы получаем в месяц? — шёпотом спросила я Стешу, когда мы уже почти дошли.

— Десять серебряных в месяц, — так же тихо ответила она. — Но пять вычитают за жильё и еду.

Зашибись. Не разгуляешься.

— А сколько стоит обед, скажем, в кафе?

— В кафе? — девушка посмотрела на меня так, будто я заговорила на эльфийском. — В трактире или ресторане средней руки можно отобедать за пятьдесят медяков или полсеребрянника.

«Отобедать»... Слово-то какое. Придётся привыкать. И постараться сегодня не высовываться, чтобы не разозлить мисс Эксус. Хотя, честно говоря, желание разобраться с этой дамой становилось всё сильнее.

2.

Мисс Эксус была худа как швабра. Самой выдающейся деталью её облика был огромный нос — такой, что, как говорила моя бабушка, «семерым рос — одной достался». Я, как и положено воспитанной барышне, скромно опустила глаза и пролепетала:

— Доброе утро, мисс Эксус.

— Будь оно добрым, мне бы не пришлось ждать вас целых две минуты, — прошипела «рабовладелица» и с царственным видом прошествовала по комнате, где уже сидели, понуриив головы, несколько девушек.

— Напоминаю про лимит бумаги! Приступайте к работе! — рявкнула она так, что перья на столах подпрыгнули от страха.

Стеша тихонько подтолкнула меня к дальнему столу и придвинула листы с текстом, который предстояло переписать. И тут случилось чудо: проснулась какая-то странная мышечная память. Пальцы сами собой схватили перо, уверенно обмакнули его в чернила и побежали по бумаге, выводя ровные каллиграфические строки.

Мы благополучно дописали положенные страницы, закрыли чернильницы и выскользнули из здания, больше похожего на тюрьму, чем на контору. Свежий воздух ударил в лицо, и я впервые за день вздохнула по-настоящему глубоко.

Покинув унылую улицу, где обитала мисс Эксус, мы оказались на оживлённой торговой площади — настоящем вихре красок, запахов и голосов. Летний день был в самом разгаре: повсюду разгуливали нарядные барышни в пышных платьях, с зонтиками и в шляпках, украшенных лентами. А я в своём форменном «мешке» чувствовала себя пугалом, случайно забредшим на бал. Хотелось провалиться сквозь мостовую — и желательно туда, где меня никто не увидит.

— Катерина Максимовна, предлагаю зайти к Акулине, в булочную, — уверенно сказала Стеша, дёргая меня за рукав. — Она тут всю жизнь торгует, может, подскажет, где искать ваше... наследство.

Её голос выдернул меня из пучины стыда за свой внешний вид, и я послушно прибавила шаг.

Акулина встретила нас так, будто мы были её внучками: с тёплым чаем и ароматным мясным пирогом, от запаха которого у меня мгновенно заурчало в животе.

— Ох, голубушки, загоняла вас Эмма! Кожа да кости остались! — покачала головой хозяйка булочной, подкладывая нам ещё по куску.

Я покосилась на Стешу, которая с аппетитом уминала уже третий кусок и при этом выглядела так, словно её не то что не морили голодом, а, наоборот, баловали пирожными каждый день.

— Акулина, — я аккуратно промокнула салфеткой рот, стараясь выглядеть хоть чуточку солиднее, — мне в наследство от маменьки досталась книжная лавка. Только я тогда была совсем мала и не догадалась спросить ни адреса, ни названия...

— Деточка, в завещании всё должно быть написано! Неужто и там ничего нет?

— Я долго отсутствовала в Осборне, а когда вернулась... папенька уже... приставился. Мачеха пустила переночевать, а поутру отправила к мисс Уксус... Ой, простите, Эксус, — выпалила я историю, которую мне только сегодня рассказала Стеша.

— Эмма Укус! — рассмеялась миссис Песто так, что даже чашки на полке тихонько звякнули. — Как точно подмечено! С детства её знаю, и всегда у неё лицо такое, будто укуса понюхала! Вот что скажу тебе, девонька: тебе надо к нотариусу заглянуть. Наследственные дела там ведут строго, всё в порядке. И платить не надо — ты же наследница. Сходи, запроси завещание.

Она на секунду задумалась, прищурившись, а потом спросила:

— Ты ведь дочка Сотниковых, верно? Уж больно похожа.

Я молча кивнула, подтверждая родство.

Акулина тут же окликнула мальчишку лет десяти, который крутился у прилавка:

— Мишка, отведи леди к Митрофанучу, да побыстрее! И булок ему заверни, да пирога с капустой и мясом! А вы поторопитесь, а потом загляните к нотариусу — он там по соседству.

И вот мы снова мчимся по улице, путаясь в подолах и стараясь не потерять шустрого Мишку из виду. Я еле поспевала, спотыкаясь о собственные юбки, а Стеша то и дело оборачивалась и ворчала:

— Барышня, не отставайте, а то так и потеряться в толпе недолго!

— Не называй меня так, — прошипела я, дёргая колючий край платья. — В этом наряде я похожа на чучело, а не на барышню!

Пока я бурчала на Степаниду, мы подошли к двухэтажному домику — такому пыльному и неприметному, что, будь я одна, точно прошла бы мимо. Вывеска «Книжный дом» облупилась, наполовину заросла плющом и выглядела так, будто её не обновляли с позапрошлого века. Дверь была цвета мостовой и словно специально сливалась с окружением, чтобы никто не догадался, что внутри прячется целый мир.

— Вам сюда, барышня, — бросил Мишка и легко распахнул дверь.

— Леопольд Митрофаныч! К вам гости! — зычный голос мальчишки оттолкнулся от пустых полок, взлетел вверх по лестнице и вернулся лёгким эхом.

— Да иду я, иду! — скрипучий голос, и следом за ним появился старичок в сером, заштопанном в нескольких местах костюме, с тростью в руке. Он медленно спустился по лестнице, подслеповато прищурился, рассматривая нашу маленькую процессию, и наконец произнёс:

— Чем обязан, милые барышни?

— Леопольд Митрофаныч, я — Катерина Сотникова, — сказала я, выдерживая небольшую паузу, чтобы посмотреть на его реакцию, — ищу книжную лавку, что досталась мне в наследство.

Старик неспешно дошёл до окна, рядом с которым стояло обшарпанное кресло, тяжело опустился в него и, помолчав, тихо произнёс:

— Считай, что уже нашла, дочка.

3.

— Ты — наследница этого дома и всего, что в нём находится, — прокрипел Леопольд Митрофаныч, и голос его дрогнул, будто каждое слово давалось с трудом. — Я как мог поддерживал лавку, но вот уже почти десять лет плохо вижу... — он с тоской обвёл взглядом пустые полки, и в этом жесте было столько горечи, что у меня защемило сердце. — Пришлось распродать последние книги, раздать долги и закрыться.

Мы стояли посреди кабинета на втором этаже. Я с любопытством скользила взглядом по интерьеру: тяжелые портьеры, пустые книжные шкафы под стеклянными дверцами, стол, заваленный свитками и тоненькими книжками с пустыми обложками. Кабинет, как и весь дом был похож на ... Митрофаныча!

Старик тем временем доставал какие-то бумаги из ящика письменного стола, и каждый его жест был неторопливым, бережным, будто он боялся, что хрупкие листы рассыплются от одного неловкого движения.

— Когда-то твоя матушка спасла мою лавку от разорения, купив её. Теперь это всё твоё. Можешь продать, если не нужна, — произнёс он, и в этих словах прозвучала не просто передача собственности, а целая история, которую он не решался досказать.

— Нет, нет, Леопольд Митрофанович! Ничего мы продавать не будем, — я намеренно подчеркнула «мы», надеясь, что это слово станет для старика опорой, маленьким островком уверенности в том, что он не один. — Пусть всё останется как есть. Пока.

Я ещё раз окинула взглядом кабинет — и вдруг поняла, что руки и правда чешутся навести здесь порядок чтобы вернуть этому месту жизнь: стряхнуть пыль, протереть стёкла, расставить книги так, чтобы они снова выглядели хозяевами пространства. Но сначала нужно разобратся с формальностями.

— Я намерена переехать в этот дом, — добавила я, вложив в фразу всю теплоту, на какую была способна. — Вы не будете против?

Митрофаныч отвернулся, украдкой смахнув слезу, и на мгновение в комнате повисла тишина, нарушаемая только шорохом бумаг.

— Конечно, Катерина Максимовна, это ваш дом. А я... — он запнулся, и в этом «а я» слышался невысказанный вопрос о собственном месте в этой новой реальности.

— А вы останетесь здесь, — успокоила я его, стараясь говорить твёрдо, но мягко. — Надеюсь, тут найдётся для меня спальня?

— С этим проблем не будет, — ответил он уже более уверенным голосом, и дрожь в нём почти исчезла. — Здесь четыре спальни, не считая моей, и комната на мансарде.

Попрощавшись, я поспешила вниз по лестнице, где меня ждала Стеша, нервно постукивая ножкой, отсчитывая секунды, которые мы, по её мнению, теряли зря.

— Барышня, давайте скорее! — она подхватила меня под локоть и настойчиво повела к двери.

Я ещё раз оглянулась на лавку — на эти пустые полки, на тяжёлые портьеры, на стол, заваленный следами какого-то хлама. И вдруг почувствовала, что это не просто дом, а место, которое ждёт, когда его снова наполнят историями и вдохнут новую жизнь.

Вынырнув из прохлады дома, мы оказались на улице, раскалённой послеобеденным солнцем. Воздух дрожал над мостовой, и спрятаться было негде — разве что под тенью маленького деревца на противоположной стороне, которое выглядело таким же одиноким, как я у себя в однушке.

Так, нотариус... Где же его искать? Пока я крутила головой, пытаясь сориентироваться, Стеша уже обогнала меня метров на десять. Я, незаметно подтягивая рейтузы, которые шли бонусом к моему нынешнему наряду, торопливо зашагала следом.

Мысли снова вернулись к книжной лавке. Значит, мать Катерины оставила её в наследство задолго до своей смерти, а мачеха прибрала к рукам то, что осталось от отца. Становилось всё интереснее, запутаннее... но главное — теперь у меня было место, где можно остановиться, перевести дух и разобраться, кто я теперь: та самая Кира, которая пряталась от дедлайнов и просьб «добавить огня», или барышня Катерина Максимовна, которой предстоит вернуть жизнь старой лавке. Кстати, "барышня" - это кто?

— Барышня Катерина, что ж вы такая неуклюжая! — прошипела Стеша, когда я, витая в наследственных облаках, врзалась прямо в её спину. — Мы пришли, соберитесь!

Нотариальная контора Бакстера встретила нас густым запахом сургуча, чернил и старых бумаг. Полки в шкафах, расставленных вдоль стен, были заперты на маленькие замочки. Да уж, чужие секреты под надежной охраной, усмехнулась про себя я. За конторкой сидел молодой человек с прилизанной причёской и яркой кляксой от чернил на носу. Его пренебрежительный взгляд сказал мне о многом, в особенности, о том, что этот ...клерк не в курсе кляксы — и, кажется, считал себя гораздо выше по положению всех, кто появляется на пороге этой конторы.

— Здравствуйте, чем могу вам помочь? — произнёс он высокомерно-пафосным тоном, будто оказывал нам величайшую милость.

— Добрый день, — ответила я, намеренно копируя его тон, но добавляя в него ледяную нотку, — Екатерина Максимовна Сотникова к господину Бакстеру.

Стеша тем временем жалась у порога с видом бедной родственницы, которой неловко даже дышать в этом чопорном месте.

— У меня мало времени, так что поторопитесь, милейший... — добавила я, выпрямляя спину так, что моя осанка в этот момент могла бы вызвать зависть даже у мисс Эксус.

— Жабс, госпожа Сотникова, Адам Жабс, к вашим услугам, — его тон мгновенно сменился с высокомерного на заискивающий, — господин Бакстер просил не беспокоить, но, может быть, я смогу вам чем-то помочь?

— Не сможете, — спокойно отрезала я, и в этой фразе прозвучала вся закалённость моей пятидесятилетней души, прошедшей через очереди в МФЦ, ночные дедлайны и редакторские требования «добавить огня». — Наследственные дела, насколько мне известно, строго конфиденциальны.

— Да, конечно, но господин Бакстер...

В этот момент неприметная дверь за конторкой распахнулась, и маленький круглый господин энергично вышел к нам, раскинув руки, словно собирался заключить меня в объятия.

— Леди Сотникова, как я рад вас видеть! — воскликнул он, и моя бровь, выгнутая от удивления, нисколько его не смутила. — Лео Бакстер к вашим услугам! — Он резко повернулся к своему помощнику и скомандовал — Адам, принеси нам кофе! И сходи умойся, сколько раз тебе говорил — не суй свой нос в чернильницу!

4.

Через десять минут общения с господином Бакстером, чьи глазки бегали по кабинету, будто искали выход из собственной ловушки, я узнала ошеломляющую новость: оказывается, сама отказалась от наследства.

Да ладно! Катерина хоть и была молодой девушкой, но не настолько же душой, чтобы вот так, с ходу, отмахнуться от всего, что принадлежало её семье! В голове тут же закрутились шестерёнки: кто-то явно подтолкнул её к этому шагу — и, скорее всего, эта «кто-то» носила имя Кларисса.

— Господин Бакстер, — я постаралась вложить в голос столько твёрдости, чтобы он понял: шутить я не намерена, — мне нужны копия завещания моего отца и копия отказа от наследства.

Нотариус нервно дёрнул плечом, будто его пиджак вдруг стал тесным.

— Да-да, конечно... Но я обязан сообщить вашей мачехе, что вы затребовали документы. Ведь именно она передала ваш отказ с просьбой закрыть наследственное дело, — протараторил он, и его масляные глазки снова заскользили по комнате, избегая моего взгляда.

«Вот, хитрожопый колобок!», — пронеслось у меня в голове, но вслух я ничего не сказала. Вместо этого я поднялась со стула, стараясь держаться так, будто этот нелепый наряд — последний писк моды в самых изысканных салонах Осбурга. — Хочу оставить на память об отце, — добавила уже мягче, чтобы сбить градус напряжения и не выглядеть совсем уж разъярённой фурией. Для надежности пару раз умильно хлопнула глазками.

Бакстер подскочил со своего дорогого кожаного кресла с неожиданной для его комплекции прытью. Пуговица с жилетки, не выдержав внезапного рывка, оторвалась и с тихим «плюх» упала прямо в мой нетронутый кофе, подняв крошечный фонтанчик тёмных брызг.

— Ох... Простите, простите Катерина Максимовна! — затараторил нотариус, заливаясь краской до самых ушей. Его лицо стало пунцовым, как революционный стяг, а руки замета-

лись в воздухе, будто пытались поймать ускользнувшую пуговицу. — Кость широкая, сложно подобрать костюм, — запнувшись, выпалил он в своё оправдание.

Я величественно кивнула, старательно пряча улыбку где-то в уголках губ. Внутри всё хохотало, но показывать этого было нельзя, хотя удержаться было почти невозможно.

— Не буду вас задерживать, господин Бакстер. Всего хорошего, — произнесла я ровным тоном и направилась к двери, чувствуя на себе его напряжённо-облегченный взгляд.

Уже на пороге я обернулась и добавила, будто между делом:

— И, пожалуйста, подготовьте документы как можно скорее. У меня... большие планы насчёт наследства от которого я отказалась.

С этими словами я вышла из конторы, оставив Бакстера одного разбираться с пуговицей в кофе и с тем, как теперь быть с Катериной Сотниковой, которая, похоже, решила вернуть всё, что у неё забрали.

5.

В приёмной Стеша вовсю флиртовала Адамом — тот неуклюже сыпал сомнительными комплиментами и поправлял и без того прилизанные волосы.

— Поспешим, — бросила я девушке и, не сбавляя шага, и направилась к выходу.

— Катерина Максимовна, как всё прошло? — спросила она, но по её горящим щекам и туманному взгляду было ясно: вопрос — чистая вежливость, мысли её витали где-то далеко, рядом с молодым клерком.

— Ожидаемо, — коротко ответила я. — Идём домой.

Пока мы шагали к нашим «казематам» — так я мысленно окрестила это унылое место, где мы жили и работали, — в голове потихоньку складывался чёткий план. Подпись на отказе от наследства наверняка поддельная. Нотариус мог быть в сговоре с мачехой, а мог просто трусить и плыть по течению — это я выясню позже. Мачеха... ну да, классическая «коза Брянская», прямо как в лучших романах про попаданок. Доберусь до комнаты, найду какие-нибудь записи Катерины, а там и до почерковедческой экспертизы доберусь — пусть тут и не знают такого слова, но я найду того, кто разбирается в почерках.

— Стеша, а как нам выдают зарплату? На счёт в банк зачисляют или наличкой?

— Не знаю, что такое «наличкой», барышня. Нам просто в конце месяца выдают мешочки с монетами.

М-да. Никакой цифровизации.

Едва оказавшись в комнате, я принялась искать хоть что-то, оставшееся от прежней Катерины. И не зря: дневник девушки, как и положено в таких историях, нашёлся под матрасом, а в шкапулке на тумбочке лежали деньги — сто двадцать серебряных. Много это или мало, я пока не понимала, но сумма выглядела солидно. Пока я пересчитывала монеты, дневник решила оставить там, где нашла - прочитаю вечером, может что пригодится.

— Катерина Максимовна, пора на ужин! — Стеша ворвалась в комнату, как маленький ураган, и плюхнулась на стул. — Сегодня пятница, и у нас на ужин пастуший пирог! — её мечтательная улыбка разом смешала все мои планы побыть одной.

— А что ещё у нас по пятницам? — решила поддержать разговор, заодно выведать, как тут всё устроено. Постоянно напоминать о потере памяти мне совсем не хотелось.

— Ну как же! Сегодня был короткий день — до обеда, вечером пастуший пирог, а завтра работаем не с восьми утра, а с половины девятого! — радостно выпалила Молли, кружась перед зеркалом на распахнутой дверце шкафа. В отражении мелькнули я, она и наш уютный беспорядок.

— В смысле — с половины девятого?! А разве завтра не выходной? — моё возмущение прорвалось наружу, как пар из перегретого чайника.

— Что вы, барышня! Выходной в воскресенье. Всё, идёте ужинать.

По мрачному коридору мы добрались до столовой, которая напоминала кухню в малогабаритной квартире: на единственном столе стояли шесть приборов, супница и кофейник. Четыре девушки уже сидели за столом, ожидая нас.

— Добрый вечер, — я, постаралась, что звучать бодро, но девушки за столом не разделяли моего оптимизма и лишь опасливо покосились. — Приятного аппетита всем! — не сдавалась я и потянулась к супнице.

Пять пар глаз уставились на меня с таким страхом и недоумением, что я застыла с крышкой и половником в руках.

— Что? — прошептала я, глядя на Стешу.

— Пока ещё не было разрешения приступать к еде, — тихо шепнула она. — Закройте крышку и ждите.

Я закатила глаза и плюхнула крышку на место. Есть хотелось до мушек в глазах.

Ждать пришлось недолго. Едва я успела опустить крышку, как в столовую вошла мисс Эксус. Каждый её шаг впечатывался в каменные плиты, отдаваясь глухим эхом. Остановившись у стены, она коротко бросила:

— Можете начинать.

И замерла, словно хищник, наблюдающий за добычей.

«Капец, и вам приятного аппетита», — пробормотала я себе под нос. Тут же получила от Стеши носком туфли под столом — мол, тише.

Суп начала разливать молодая девушка с пшеничными волосами. Руки у неё дрожали, едва удерживая тяжёлую тарелку. На ладонях ярко алели свежие рубцы — наглядное напоминание о «методах» мисс Эксус.

У меня от злости даже аппетит пропал. Когда мы вышли из столовой, я тихо попросила Стешу зайти ко мне в комнату. Едва за нами закрылась дверь, я начала допрос:

— Степанида, кто такая мисс Эксус, как она получает работу и почему на неё до сих пор не нашли управу?

— Барышня, мисс Эксус уже второй год выигрывает конкурс на право переписывать документы государственного образца, — робко начала Стеша. — В прошлом году было всего две девушки, а в этом уже шесть. Это большая честь — работать на такой ответственной должности.

— Ты себя слышишь? — я уже закипала, как чайник на плите. — Честь? Быть ежедневно битой, получать копейки и работать без выходных? Степанида, очнись!

— У нас нет выхода, барышня, — она опустила глаза. — Только так девушки могут найти приличную работу. После этого их могут даже в королевскую канцелярию взять!

— Да что ты! — сарказм сочился из меня, как кипяток сквозь неплотно закрытую крышку. — Какая честь! Кто ж вас в канцелярию с такими руками-то возьмёт? Через полгода побоев вы ложку держать не сможете, не то что перо!

Стеша испуганно смотрела на меня, теребя манжету рукава. Я глубоко вздохнула, стараясь остудить гнев. — Стеша, пойдёшь ко мне работать? Мне нужна помощница.

— Я с удовольствием, барышня... Только вот не могу я пока без зарплаты. Никак не могу!

— Хорошо, — мягко сказала я. — Я разберусь с наследством, а потом и тебя заберу. Обещаю.

Дальше Стеша рассказала, как устроен их рабочий процесс: после того как девушки переписывали указ, закон или другой документ, мисс Эксус собирала листы и отправляла их в канцелярию при Государственном совете, а оттуда документы уже расходились по городам и весям. Рукописные законодательные акты высоко ценились и были "визитной карточкой" государства.

И тут у меня в голове щёлкнуло — созрел план. Я не могла уйти просто так, не отомстив этой доморощенной Салтычихе.

После того как Молли ушла, я взялась за ревизию шкафа. Там нашлись вполне приличные платья и даже два аккуратных костюма. Белье и нижние платья, правда, приводили в ужас. Порывшись в ящиках, я наткнулась на швейный набор и ножницы.

— Ну что, рейтузики, готовьтесь к апгрейду! — усмехнулась я.

Два часа кропотливой работы — и передо мной лежали изящные трусики-шорты с кокетливыми оборочками и бантиком, а нижние юбки и платья были укорочены и украшены рюшечками, спасёнными от безжалостно разобранных панталон.

— Уроки кройки и шитья всё же пригодились, — довольно пробормотала я, укладывая обновки в дорожную сумку. — Главное, чтобы синус с косинусом не потребовался!

Развесив форменное платье, я умылась холодной водой и легла в кровать. Завтра — мой последний рабочий день в этой тюрьме. Остался последний штрих. Вернее, два: нужно забрать у мисс Эксус свою зарплату, а потом идти в лавку. Там и мысли в порядок приведу, и дневник Катерины прочитаю.

Эх, хоть бы какую-нибудь подсказку мне в этом мире оставили... Катюха, приснись мне, что ли!

6.

Сон накатывал рваными кусками, будто кто-то дёргал за край невидимой плёнки и показывал кадры из чужой жизни. Но я была уверена: это Катерина пыталась дотянуться до меня, передать хоть крупицу своих воспоминаний.

Вот она — в чёрном траурном платье, едет в карете и вытирает слёзы кружевным платком. Тонкие пальцы дрожат, а по щеке всё равно катится слезинка, сбегая по холодной коже. Точно, это Катя!

За окном мелькает красивая усадьба — и сердце сжимается от щемящей боли. Отчий дом. Тот самый, который она помнила светлым и приветливым: гостиная залита солнцем, мебель из светлого дерева с нежной обивкой, рояль цвета слоновой кости, экзотические пальмы в больших кадках, светлый ковёр, на стенах — акварели маменьки, на кофейном столике — робкие наброски самой Катерины.

А сейчас... Сейчас в гостиной царил полумрак. Высокие окна были закрыты плотными вишневыми гардинами. Тяжёлые диваны загромождали комнату, превратив её в подобие лавки с антиквариатом. На стенах висели портреты мачехи, а на месте рояля стояла уродливая ваза с перьями экзотической птицы — последний штрих чтобы стереть всё, что было дорого Катерине.

На пороге стояла грузная женщина с недовольным лицом и двумя подбородками — мачеха. Даже во сне от одного её вида становилось тошно.

— Мы не стали тебя дожидаться, — без всякого приветствия бросила она, удивительно тонким писклявым голосом даже не глядя на Катерину. — Твоего отца похоронили вчера.

Круто развернувшись, она скрылась в доме, оставив девушку стоять у порога, словно незваного гостя.

Катерина поднялась наверх, едва чувствуя ноги. В её комнате всё оставалось на своих местах, будто и не было этих пяти лет разлуки. Всё то же покрывало, тот же письменный столик, те же безделушки. Она так и осталась в дорожном платье, забралась на кровать и провалилась в тяжёлый, без сновидений, сон.

Утром, наспех умывшись и подхватив дорожную сумку, Катя вышла из комнаты. Из приоткрытой двери бывшего кабинета отца доносились приглушённые голоса. Она замерла, прислушиваясь.

— Да, она всё подписала вчера, как только приехала, — отчётливо прозвучал голос мачехи. — Свой процент вы получите после того, как я вступлю в наследство через шесть месяцев. А пока, мой дорогой Лео, сделайте так, чтобы она никогда не увидела ни завещания, ни своего отказа от него.

— Помилуйте, барыня, но есть же поверенный...

— Она о нём не знает и не узнает, будьте уверены. Я об этом позаботилась.

Шелест многочисленных юбок предупредил Катерину, что разговор окончен. Она метнулась обратно в комнату, оставив лишь маленькую щёлку, чтобы видеть, кто выйдет из кабинета.

Сон рассыпался, и я резко села на кровати, хватая ртом воздух, будто только что вынырнула из ледяной воды. Сердце колотилось где-то в горле.

«Кто же этот Лео?» — мысль крутилась в голове, как застрявшая пластинка. И вдруг картинка сложилась, щёлкнула на место, как последний кусочек пазла.

Мать твою! Это же Лео Бакстер! Вот... колобок хитрожопый!

Я откинулась на подушку, пытаюсь унять дрожь. Теперь всё вставало на свои места: и поспешно закрытое наследственное дело, и его масляные глазки, и готовность тут же сообщить мачехе о моём визите. Он был не просто нотариусом — он был её сообщником. И, скорее всего, получал свой процент с наследства, пока Катерина переписывала законы в каморке мисс Эксус.

План, который ещё вчера казался дерзким, теперь стал делом чести. Итак, завтра я заберу свою зарплату у мисс Эксус — и пусть попробует отказать. Потом пойду в лавку, разберусь с бумагами, найду того, кто разбирается в почерках. А если понадобится — подниму шум так, что о делах Клариссы и господина Бакстера узнает весь Осбург.

Катерина, если ты ещё где-то там слышишь меня — держись. Мы всё исправим.

7.

Проснувшись ещё до рассвета, я лежала и прокручивала в голове недавний сон. Теперь я знала врага в лицо — и не одного. Мачеха, Бакстер... и эта самодовольная Эксус, которая непонятно каким образом получила привилегию на госзаказ ...

План, сложившийся ещё вчера, теперь казался не дерзкой фантазией, а единственным возможным путём. Пора подниматься и готовиться к первому пункту — наказать мисс Эксус. Не просто уйти, хлопнув дверью, а оставить такой след, чтобы она ещё долго вспоминала Катерину Сотникову.

Я откинула тонкое одеяло и прошла за ширму. После водных процедур решила сделать лёгкую зарядку. Тело девушки хоть и было молодым, но недоедание и постоянный страх сделали своё дело: руки казались слабыми, живот — впалым, а ноги после вчерашней беготни гудели как после марафона. Но пара простых движений, глубокий вдох — и вот я уже стою напротив единственного зеркала — в новых панталончиках и нижней рубашке, кокетливо перебирая рюши.

— Хороша! — улыбнулась я отражению, заматывая свои теперь шикарные волосы в тугой узел. — Потерпите, мои хорошие, к вечеру выпущу вас на волю! Такую красоту нельзя прятать в такой унылой причёске!

В этот момент в комнату влетела Стеша и замерла, будто налетела на невидимую стену. Вид у неё был такой, словно она увидела привидение. Слова, видимо, застряли в горле, и единственное, что она смогла выдать, указывая на моё исподнее, было: — Что это?

— Ах, это, — небрежно бросила я, стараясь выглядеть максимально непринуждённо. — Нам в школе выдавали. Мода на такое бельё ещё не дошла до Осбурга? — добавила я с невинным видом, прикладывая все силы, чтобы не выдать себя. О моём попаданстве никто не должен знать. Во всяком случае, пока.

— Н-нет... — проблеяла Стеша, всё ещё не сводя глаз с моих обновлённых панталончиков. — Я тоже такое хочу.

— Раз хочешь, значит, будет, — подмигнула я, мысленно делая пометку: шортики тут — настоящая революция. Стринги пока рано внедрять, а вот такие аккуратные недотрусы с рюшами — в самый раз.

Помня, что завтраком здесь не кормили, я напилась воды из-под крана, натянула на себя ненавистное форменное платье и решительно направилась к двери.

— Степанида! За мной! Нас ждут великие дела! — подмигнула я девушке, которая всё ещё стояла в проёме, пытаюсь осознать увиденное.

На рабочих местах уже полным составом сидели девушки, ожидая нас и мисс Эксус. Но вместо неё сегодня, слава всем богам этого мира, пришла другая дама — не менее чопорная, но совершенно безликой наружности. Встреть я её на следующий день — и не узнала бы.

— Сегодня мы переписываем Закон, позволяющий одним мелким графствам входить в состав соседнего графства в случае разорения предыдущего хозяина или в случае отсутствия наследников, — начала она, глядя куда-то выше наших голов, будто обращалась к лепнине на потолке.

О, нас сегодня даже ввели в курс дела, а не просто раздали листы! Какой-то клоп в углу сдох!

— Закон написан его величеством на ста пятидесяти листах, — продолжила дама, не меняя интонации. — Поэтому сегодня каждая из вас возьмёт по одному параграфу. Работу необходимо закончить сегодня, потому что уже в понедельник на Дворянском Совете Закон

будет утверждён. После утверждения мы будем переписывать его не раз и не два, - мысленно пересчитывая будущую прибыль продолжала дама, - Приступайте!

Вот он, мой звёздный шанс!

Мне достался последний параграф — целых тридцать страниц. Пока девушки склонялись над листами, выводя ровные, почти одинаковые строчки, я сидела и чувствовала, как внутри поднимается волна. «Добавь огня, Кира! Огня!» — эти слова Вики вдруг зазвучали в голове как боевой клич.

Руки дрожали от волнения, но стоило надзирательнице выйти из комнаты, как строчки сами полились на бумагу — только это был уже не сухой юридический текст. От первой до последней страницы я писала рассказ про графа и гувернантку. Фразы вроде «он вошёл в неё, как нож в масло» были самыми приличными и встречались чаще, чем имена героев. К концу тридцатой страницы я поняла, что даже половины приключений этой парочки не описала. Ну что ж! Отдам «роман» незаконченным. Надеюсь, дворянский совет не останется равнодушным и после прочтения моего «параграфа» примет правильное решение. И мисс Эксус будет отомщена.

По счастливой случайности надзирательница велела мне разложить все написанные листы по папкам и оставить у неё на столе. Девушки приносили мне свои стопки, и я невольно поражалась тому, насколько одинаково выглядел их каллиграфический почерк — будто все они учились у одного мастера, который вбивал в них не только буквы, но и покорность.

Стеша давно ушла, а я, аккуратно подколов свой «шедевр» в папку, оставила её на столе и отправилась искать мисс Эксус.

Кабинет нашёлся сразу. Хозяйка нашего копировального цеха сидела вместе с сегодняшней надзирательницей и рьяно обсуждала какую-то городскую сплетню. Они так увлеклись, что не сразу заметили меня, застывшую на пороге.

— Кхм, — прокашлялась я, стараясь звучать спокойно и твёрдо.

— Чего тебе, Сотникова? — брезгливо бросила в мою сторону мисс Эксус, даже не поднимая глаз.

— Госпожа Сотникова, — чётко произнесла я, поднимая ледяной взгляд. — И я к вам за расчётом.

— А с чего ты решила, что я тебе его выдам? Собралась уходить — иди на все четыре стороны. Тут никто никого не держит, — фыркнула она и тут же вернулась к прерванному разговору, будто меня и не было.

Спорить было бесполезно и я развернулась и спокойно пошла в свою комнату, чувствуя, как внутри всё кипит. Да, видимо здесь в порядке вещей «прокатывать» работниц пера и чернильницы - никто не смеет возразить. Но я не «никто».

В комнате меня уже ждала Стеша.

— Катериночка Максимовна, всё в порядке? — она обеспокоенно смотрела на меня, теребя рукав платья.

— Нет, Стеша, не в порядке, — огрызнулась я, захлопывая дверь и стягивая с себя ненавистную форму. — Расчёт мне не выдали, а отправили в долгое пешее путешествие.

— Куда?

— На все четыре стороны, — уже спокойнее отозвалась я. — Сейчас переделаюсь и ухожу. Ты со мной, Стеша?

Она опустила глаза, теребя ткань рукава, и тихо сказала:

— Конечно, барышня, куда ж я от вас денусь! Давайте только я приду к вам в лавку в пятницу.

На том и решили. В этот раз девушка ушла тихо, не хлопая дверью и не бросая лишних слов. И от этой тишины мне стало ещё тяжелее.

Не обращая внимания на беспокойство за девушек, которые оставались в этом доме, я спокойно переделалась в тонкую блузку сливочного цвета и юбку цвета молодой зелени. Ткань приятно скользила по коже, и даже дышать стало легче. Совсем другое дело! Я напоследок покрутилась перед зеркалом и подхватила дорожную сумку.

— Чуть не забыла! — метнулась к кровати и достала дневник Катерины. — Вперёд, навстречу приключениям!

С этими словами я вышла из комнаты. Впереди была лавка, бумаги, дневник и битва, которую я собиралась выиграть.

8.

По дороге я решила заскочить к Акулине — поболтать и наконец-то что-нибудь съесть. Ноги сами несли меня к знакомой пекарне, а в животе уже всю разворачивалась целая революция из-за пустого желудка.

— Катерина Максимовна, я так рада вас видеть! — всплеснула руками хозяйка, тут же усаживая меня за столик и смахивая белоснежным полотенцем несуществующие крошки.

— Можно просто Катерина, — улыбнулась я, присаживаясь и чувствуя, как напряжение последних дней понемногу отпускает. — можно мне прирога вашего. Фирменного.

— Ох, конечно, дорогая, чего это я сама не сообразила! — запричитала Акулина, уже суется у прилавка. — Эмка продолжает морить вас голодом? Конечно, сама не ест, всю жизнь жердь жердью, и из вас таких же хочет сделать!

Пока она хлопотала, я не удержалась и втянула носом густой, тёплый аромат выпечки — и тут же поняла, что пропала.

Пирог и правда выдался на славу: хрустящая корочка, сочная начинка, пряные травы — я едва сдержалась, чтобы не застонать от удовольствия. Не преминула сообщить об этом Акулине. Та расплылась в улыбке, довольная до самой макушки.

— Это рецепт моей прабабушки, — гордо сказала она. — Ко мне по большей части только за этим пирогом и ходят. Булку хлеба на каждом углу купить можно, а вот пироги не всем удаются. Да и рецепты хранятся за семью печатями — семейные секреты! А ты ешь, не стесняйся. Я тебе с собой заверну, Стешу угостишь.

— Я ушла от мисс Эксус, — выпалила я, пока рот был свободен от пирога. — Теперь иду к Леопольду Митрофанчу.

— Да как же так! Без работы остаться — вот горе-то! — тут же снова запричитала слегка опешившая булочница. — Я бы тебя к себе взяла, да только ты барынька! Негоже вам тесто месить да за прилавком стоять!

— Не переживайте, Акулина, устроюсь как-нибудь, — спокойно ответила я, хотя сама в этот момент не знала, насколько уверена в своих словах.

После сытного обеда глаза сами собой начали слипаться, но я знала: если сейчас сяду и закрою глаза, то, скорее всего, усну прямо здесь, на стуле. А впереди ещё столько дел.

Распрощавшись с булочницей, которая наотрез отказалась брать с меня деньги, я вышла на улицу, бережно прижимая к себе свёрток с пирогом и плюшками. Теперь у меня были не только планы, но и гостинцы — пусть хоть это согреет душу.

По дороге к лавке я заприметила большой магазин с витринами, уставленными книгами. «Так, конкурентов тоже надо знать в лицо», — подумала я и свернула к витрине. Надо же понять, о чём пишут, что сегодня популярно, да и вообще — узнать, чем живёт народ в Осборне.

На полках в основном стояли своды законов и правил. Пособие «Как воспитать приличную барышню» стояло рядом с энциклопедией съедобных грибов — странное соседство, но, видимо, тут это считалось нормой. Из художественной литературы — только сборники стихов местного автора и безликие детские книжки. Ни иллюстраций тебе, ни яркой обложки...

Главным «сокровищем» магазина была большая книга в синей бархатной обложке с золотым тиснением: «Правители Осборна. От истоков до наших дней». Эта книга и ещё несколько менее помпезных, но куда более ярких по сравнению со всем остальным ассортиментом стояли под стеклом с навесным замочком.

Я прикинула цены: книга про правителей стоила пять золотых. «Ах... уехал наш трамвай! Как сказала Стеша, за три золотых корову можно купить» — мысленно вздохнула я. Зато пособие для барышень стоило всего один серебряный. Рукописные книги отличались более высокой ценой, это тоже плюс, но много ли я напишу одна... - это минус.

Продавец за прилавком явно задремал, а посетителей не было и вовсе. Так что я успела спокойно всё рассмотреть и даже прикинуть ассортимент. И ещё один пункт щёлкнул у меня в голове: на кассе не было никаких сопутствующих товаров. Ни закладок, ни блокнотов, ни чернильниц, ни даже простой бумаги.

«Эх, я не я буду, если не воспользуюсь вторым шансом стать знаменитой. Ну и богатой заодно», — подумала я, выходя из магазина и крепче прижимая к себе свёрток с выпечкой.

Теперь я точно знала: в своей лавке я сделаю всё по-другому. Здесь будут не только книги, но и мелочи, которые делают чтение уютнее. Здесь будет тепло, светло и спокойно — такое место, куда хочется возвращаться. И, может быть, именно отсюда начнётся новая история — моя собственная.

9.

— Леопольд Митрофаныч! — тихонько позвала я, переступая порог теперь уже своей книжной лавки. — Это я, Катерина.

— Катюша, проходи, — отозвался скрипучий голос откуда-то из полумрака у окна.

Дедуля — так я его про себя и окрестила — сидел в старом потрёпанном кресле и пытался читать пожелтевшую газету, поднося её к тусклому свету, едва пробивавшемуся сквозь пыльные стёкла.

— Я ждал тебя, — улыбнулся он, откладывая газету, и в этой улыбке было столько облегчения, что у меня в груди что-то тихо ёкнуло.

— А я к вам с гостинцами! — бодро объявила я, протягивая свёрток. Запах из него шёл такой, что даже затхлый воздух лавки будто стал чуточку вкуснее. — Где у нас кухня? Ведите, будем чаёвничать!

Кухонька оказалась просторной, со следами былой роскоши. Некогда белоснежная гляцевая плитка теперь была затянута толстым слоем жира и припорошена сантиметрами пыли, добротная столешница, плита и духовка выглядели солидно, хоть и устало. Некое подобие холодильника рычало и чихало, как мой старенький бойлер из прошлой жизни. Зато обеденный стол был на удивление чистым, как и посуда, аккуратно сложенная стопками. Над фарфоровой раковиной сиял кран с двумя барашками и обещанием горячей воды.

— Всё, что могу, — снова улыбнулся дедуля одними глазами и широким жестом пригласил: — Хозяйничай, внучка!

Я быстренько развернула свёрток от Акулины. И, к моему приятному удивлению, в нём, кроме пирогов, лежал домашний сыр, завернутый в чистую тряпицу, несколько спелых помидоров, вяленое мясо и маленькая баночка варенья.

Пока я раскладывала угощение, на плите закипел пузатый чайник. И тут выяснилось, что не всё так запущенно, как казалось на первый взгляд: в большом старинном буфете на полках были аккуратно расставлены баночки с сахаром, солью и специями. В жестяной банке с нарисованной девушкой, окружённой цветущим садом, нашёлся ароматный чай. Настроение стремительно ползло вверх.

В холодильнике ровными рядами лежали яйца, а в кладовке за ним — овощи и крупы. «О, да тут осаду можно пережить», — подумала я, присаживаясь за стол и разливая чай по чашкам.

Дедуля ел медленно, с расстановкой, смакуя каждый кусочек сочного пирога.

— Пойдём, покажу тебе дом, — наконец сказал он, отставляя пустую тарелку. — Да и отдохну потом немного. Пироги Акулины и здоровых мужиков с ног на сон сбивают, а уж меня и подавно!

На втором этаже, помимо кабинета, было ещё четыре просторные спальни — все пыльные, но добротные. В каждой — стандартный набор: окно, кровать, шкаф, письменный стол, прикроватная лампа и скромный пейзаж на стене.

Обойдя последнюю спальню, я с радостью и удивлением обнаружила за ширмой дверь в настоящую ванную комнату.

— Да ты ж мой хороший, — прошептала я, с любовью поглаживая белоснежный унитаз с латунными ручками и розочками на сливном бачке. - Отмою тебя и ванную и возможно поселюсь здесь. Водяные трубы тихо загудели приветствуя новую хозяйку, унитаз булькнул, а из открытый кран чихнул и выдал порцию теплой воды. - Какое блаженствоооо!

На мансарде громоздились коробки, не давая пройти дальше. «Ну и пусть, — решила я. — Потом до них доберусь!»

Закинув вещи в ту спальню, которая сразу пришлась по душе, заглянула в шкаф — и замерла, обалдев от обилия женской одежды. Тяжёлые дверцы не только уберегли вещи от пыли, но и сохранили полотенца и постельные принадлежности. Среди всего этого богатства я с восторгом обнаружила костюм для верховой езды — в нём и решила приступить к уборке, чтобы не жалко было испачкать.

До заката оставалось ещё пара часов, так что я не стала терять время. В каморке под лестницей нашлись щётки, вёдра и даже. На тряпки я решила пустить старое полотенце, каким-то чудом оказавшееся в ванной.

Сдёрнув с окна шторы, я распахнула створки, выпуская наружу клубы пыли. Покрывало с кровати отправилось следом, а потом и вниз, на первый этаж, где обнаружилась мини-прачечная с допотопной стиральной машиной.

Спустя час моя новая комната буквально сияла: окна сверкали, кровать была застелена свежим бельём, а воздух пах лавандой — запах, который шкаф бережно хранил все эти годы.

Солнце уже ушло за горизонт, когда я поднялась в свою спальню, закрыла дверь на засов и наконец-то пошла принимать долгожданную ванну. Старинные пузырьки на полочках сохранили и шампунь, и душистое мыло. Латунные краны тускло мерцали, отражая свет настенных светильников, невольно напоминая мне мою, земную комнату, из которой так безжалостно меня вышвырнул сюда старый бойлер. Я поймала себя на мысли что не все так плохо: есть где жить, на чем спать, а чем заняться в этом мире, я кажется придумала.

Тщательно замотавшись в полотенце вместе с волосами, я юркнула в постель, чувствуя, как усталость дня мягко накрывает с головой. Впервые за долгое время я была не просто где-то, а дома. И завтра этот дом начнёт жить заново — уже по моим правилам.

10.

Привет из прошлого Катерины опять пришел во сне.

Маленькая девочка сидела в кабинете дедули, но гораздо более чистом. Молодая женщина в лиловом платье аккуратно расставила книги на полки, потом медленно подошла к пейзажу, висевшему на стене и погладила раму. Картина аккуратно отъехала в сторону, я потянулась посмотреть, что же там... Но сон резко закончился и я, вскочив с кровати увидела, что в окно робко стучится рассвет.

По плану сегодня была уборка первого этажа - начиная от окон и входной двери, заканчивая кухней. Но сначала завтрак и необходимые заготовки на обед. Дедуля спустился сразу, как только по дому распространился запах блинчиков.

- Нет, нет, нет, сначала каша! - тарелка с ароматной пшенной кашей, тотчас оказалась на столе. - Приятного аппетита, - улыбнулась я деду, не ожидавшему такой прыти от новоявленной внучки. Когда завтрак был закончен, а посуда вымыта, дед сообщил, что идет к соседу играть в карты. Я удивилась, но не расстроилась. Если у деда есть увлечения - я только рада. К полудню окна блестели. Входная дверь неожиданно оказалась красной, ручка в виде льва сияла в свете полуденного солнца и колокольчик на двери наконец зазвенел соловьиной трелью, избавившись ото мха. Пол тоже приятно удивил, оказавшись не земляным, а породисто-метлахским - белая плитка в компании маленьких черных квадратиков с красной окантовкой.

Я с удовлетворением смотрела на пока еще пустые полки, и стойку, отполированную до блеска, предаваясь мечтам и придумывая сюжет нового романа. Кухня сияла белизной, осталось только навести порядок в дедовой спальне.

Так неспешно день подошел к концу. Кабинет! Сон напомнил о себе яркой вспышкой и я, вымыв руки, отправилась его исследовать.

Так. Стол, кресло, стулья. Все на месте. Пейзаж... Я провела пальчиками по раме и тут она, не издав ни звука, отъехала в сторону. в глубине лежали какие-то бумаги и несколько мешочков.

Безжалостно сдвинув бумаги на столе я начала осторожно опустошать тайник.

Бумаги, опять бумаги... Таак, интересненько!

Первый мешочек тяжело звякнул об стол и я конечно же засунула туда свой нос. Золотые монеты тускло отливали в лучах заходящего солнца.

Ура! Я богата! Мы богаты! От радости я закружилась по комнате обнимая один мешочек. Он был довольно-таки увесивтым и ощутимо оттягивал мои руки.

В каждом из десяти мешочков оказалось по сто монет. А что, попаданство мне все больше и больше нравилось! В моей прошлой жизни, чтобы заработать такую кучу денег, я работала бы ... лет сто? Может двести?

Мешочки перекидывали обратно в тайник, а я занялась бумагами.

"Я, Вера Михайловна Сотникова, в девичестве Графиня Зарецкая, оставляю своей дочери, Екатерине Максимовне Сотниковой книжный магазин, расположенный на улице..." Дальше шли подробности расположения магазина. А, вот, "... кроме того, в центральном банке Осбурга, открыт счет на имя Екатерины Максимовны Сотниковой, коим она беспрепятственно может пользоваться по достижении восемнадцати лет." Супер! Даже никаких заковырок в виде опекунов и навязанных женихов.

Дальше шли документы, подтверждающие мое право на магазин.

Следующий документ был ещё интереснее. В нем говорилось, что типография, которая много лет приносила хороший доход, теперь уже моей семье, на самом деле была приданным моей матери и по законам государства также переходила мне после её смерти. Подтверждающие документы тут тоже были, как и подписи всех участников - от родителей матери, до её супруга, моего отца.

Прекрасно! А что у нас с имением?

Вот так номер! Дом, в котором много лет жила семья Сотниковых и вовсе принадлежал родителям Веры Михайловны. Получается они живы-здоровы? Так. Стоп. Надо спросить у дедули.

Имя "дедуля" накрепко поселилось в нашем доме-магазине и похоже Митрофанычу тоже пришлось по душе.

Я настолько увлеклась бумагами, что не услышала, как друзья деда доставили его домой. Он тихонько сидел на первом этаже в импровизированной гостинной и дремал в кресле.

- Дедуль, - прошептала я, - просыпайся, пойдем перекусим.

На кухне мы доедали пирог, который ничуть не утратил своей пышности и аромата.

- Дедуль, расскажи мне про маму и папу, - попросила я и обняла руками чашку, приготовившись слушать. - я тут документы нашла на дом, магазин... короче, у меня столько вопросов!

- Так что я нового могу тебе рассказать? Ты и так все знаешь! - аккуратно прихлебывая чай, дед откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

- Ну..., я..., вообще я ничего не помню после того, как провалялась в горячке всю ночь...

Дед приоткрыл один глаз и внимательно посмотрел на меня - Совсем ничего?

- Ну не так чтобы... Да, совсем! - выпалила я с надеждой на конструктивный разговор.

- Ох уж мне это мисс Эксус, - дед погрозил кулаком куда-то в пустоту, - так и продолжает над девчонками измываться! И управы теперь никакой нет на нее - начальница!

- Разберемся, дедуль, рассказывай, - поторопила я, - все-все, что вспомнишь.

У графов Зарецких, по всем законам попаданского жанра, была единственная дочь Верочка, которая влюбилась в мелкого торговца Сотникова, с которым волею судьбы познакомилась в этом магазине.

Родители естественно были против такого мезальянса, но не стали воевать, и вместо узелка на палочке, Верочка получила то, что кормило семью Сотниковых всю их недолгую, но счастливую жизнь, а именно типографию и имение. Ну и баронский титул для зятя граф выбил чуть позже.

Отец Катерины оказался неплохим управленцем и за нестолько лет типография крепко встала на ноги. В основном за счет печати газеты. Верочка щеголяла в лучших нарядах, а приемы в доме Зарецких пользовались огромной популярностью. Теперь уже барон Сотников, в свою очередь, обзавелся множеством "нужных" знакомых самых высоких кругов. Эти связи помогли ему несколько раз выйти на императорский заказ для типографии и тем самым закрепиться в кругу фабрикантов и промышленников.

Кларисса появилась внезапно на одном из приемов и окружила заботой баронессу Сотникову, а после её смерти и самого лорда.

Дед горько вздохнул, - Никто не думал, что она такой змеей окажется, - Несколько раз они вместе приезжали в этот магазин, выбирали книжки для своих девочек.

- У Клариссы ещё и дочь есть?! - от такой новости я аж подпрыгнула, - она тоже живет в моем доме?

- Талия не живет в твоём доме, она... замужем, но по слухам, регулярно посещает имение. О ней тебе лучше спросить кого-нибудь другого. - Дед слегка смутился и отхлебнул чая.

Что-то тут не чисто. Ладно, разберемся чуть позже.

- Дедуль, а почему бабушка с дедушкой не связались со мной? Одна дочка, одна внучка... неужели не захотели со мной общаться?

- Да где там! - дед тяжело вздохнул, - когда граф Зарецкий ещё был жив, - он и слушать не хотел ни о дочери, ни о её семье. Графиня... она - добрейшая женщина и очень любила свою дочь, но против мужа пойти не могла. Они письма друг другу отправляли через мой магазин, иногда виделись. Вот здесь, на этой кухне. Но потом что-то произошло и писем больше не было. Верочка и граф Зарецкий ушли почти одновременно и графиня исчезла. Больше я о ней ничего не знаю. Говорят, что из своего поместья она не выходит.

- Дедуль, а от чего умерла мама и ...граф? Ведь и он, я думаю, не старый был.

- Нам теперь вряд ли кто-то расскажет. Вот отец твой... как женился второй раз, его как подменили: вместо типографии - в клуб, а там покер, виски... Типографию почти потерял. Сейчас в ней жизнь еле теплится.

Дед устало потер переносицу и я решила, что на сегодня достаточно распросов. Пора спать.

11.

Ночь была без сновидений, что придало сил и желания во всем разобраться.

Завтрак с дедулей и я, подхватив сумочку и документы на наследство вышла на улицу покорять новый мир. Во всех документах стояло имя поверенного - Никольский. Для начала нужно его найти.

Пекарня Акулины была единственным местом, где я могла что-либо спросить.

- Ох, детка, - хозяйка выбежала из-за прилавка, едва я переступила порог, - Митрофаныч совсем тебя заболтал! Конечно его можно понять, столько лет совсем оди, - она энергично накрывала на столик, выставляя все самое вкусное.

- Акулина, - хозяйка перестала хлопотать и села напротив меня, - где мне нужна найти господина Никольского. Он поверенный моих родителей и я совсем не знаю, куда мне идти.

- Поверенный значит. Могу только предположить, но точно не скажу. На площади Таурус множество юридических контор, думаю, что в одной из них тебе подскажут, куда идти.

Мы еще немного поболтали и я отправилась искать площадь и неизвестного Никольского.

Площадь Таурус оказалась по соседству с торговой, там, где находилась контора мисс Эксус. Монументальное здание с огромными окнами и тяжелой дверью сразу привлекло мое внимание. Пока я читала табличку дверь распахнулась и я замерла. Таких красавцев я сама не раз описывала в своих романах, но чтобы так, в живую... Красавчик даже не взглянул на меня, устремляясь к новенькому экипажу.

Я очнулась от наваждения и вошла в дверь. Кабинет Никольского был на первом этаже здания сразу напротив входа. Сам поверенный оказался приятным мужчиной средних лет с приятной улыбкой.

- Леди Сотникова, - Никольский слегка поклонился и пригласил присесть за стол, - я очень рад встрече.

После того, как Никольский показал второй экземпляр завещания матери, а так же документы на типографию, я рассказала ему все, что помню. Не забыв упомянуть, какую роль в этом сыграла Кларисса и Лео Бакстер.

- Катерина Максимовна, вы же понимаете, что это серьезное обвинение и мне необходимы доказательства. Лео Бакстер очень ... осторожный человек и я в свою очередь не удивился тому, что именно его ваша мачеха привлекла к оформлению наследства. Однако я не понимаю, по какому праву она решила все присвоить себе.

- Вот и я не понимаю. Господин Никольский, все, что имела и чем владела моя семья - принадлежало моей матери - в документах это четко прописано. Я не знаю, что за документы были у Клариссы, но она уверена в том, что является наследницей. Мне нужно переубедить её в этом и как можно скорее.

- Сегодня я займусь переоформлением собственности на ваше имя. Чем ещё я могу вам помочь?

- Я заказала копии завещания и моего, якобы отказа у мистера Бакстера. Мне бы не хотелось снова с ним встречаться. - я наклонила голову и посмотрела на Никольского, - Александр Петрович, вы сможете, как мой поверенный, забрать документы?

- Конечно, Екатерина Максимовна, как только заберу - пришлю к вам посыльного и договоримся о встрече.

- И ещё, подскажите, если я например захочу издать или написать книгу или разработать модель чего-то нового, нужно ли патентовать это или нет, - я аккуратно подбирала слова, чтобы восемнадцатилетняя девушка не выглядела слишком умной.

- Изобретения чего-либо оформляются патентом или привилегией, а книги вы можете писать сколько угодно. Тем более у вас есть типография. Захотите получить патент - с вас подробное описание, а я в свою очередь направлю документы в Дворянский Совет.

Мы попрощались и я решила прогуляться по местным магазинам.

12.

— Свежие новости! Свежие новости! Скандал в Дворянском Совете — такое не каждый день услышишь! — вопил мальчишка, пытаясь перекрычать рыночную суету. Его сумка, набитая листовками, то и дело норовила свалиться — столько в ней было «горячих сплетен».

Прохожие замирали на полшага, торопливо шарили по карманам и кидали медную монету — торопясь получить свежую порцию новостей и сплетен. Как и в моем мире в этом городе слухи ценились дороже пряностей.

— Эй, погоди! — окликнула я мальчугана, которому на вид было лет десять, не больше. Тот резко затормозил, чуть не врезавшись в бочку с солёными огурцами.

— Ефим, леди! — он приосанился, выпятив грудь, будто не разносчик листовок, а глашатай Его Величества, и важно протянул мне листок: — Не желаете газету? Ну, то есть... самую свежую правду. Ну, или почти правду.

Я взяла протянутый лист — тот и правда больше походил на листовку: чернила кое-где расплылись, а края были потрёпаны, будто его уже десять раз кому-то показывали. Развернула — и не смогла сдержать смешок.

«СЕНСАЦИОННАЯ НОВОСТЬ! СКАНДАЛ В ДВОРЯНСКОМ СОВЕТЕ!

На сегодняшнем заседании при принятии Закона о наследовании земель разразился громкий скандал. Последний параграф, который должен был поставить точку в вековом споре о „ничейных землях“, оказался... любовным романом! Таких откровений стены Совета не слышали даже в эпоху бурных балов. По проверенным данным (а у нас тут все данные — проверенные!), покраснела даже люстра, которая висит в зале заседаний уже добрых три века. Говорят, она и в войну не дрогнула, а тут — стыд какой!

Граф Бахметьев, на днях отметивший своё восьмидесятилетие, будто на крыльях вылетел из зала и на всех парах помчался к своей молодой супруге — так что конюхи едва успели подать карету. А сосед его, граф Пыжиков, был не столько возмущён скандалом, сколько... отсутствием окончания сего романа. «Где развязка?!» — якобы кричал он, потрясая кулаками. В настоящее время проводится расследование инцидента. Подозревают всех: от писцов до чернильницы».

— Ох, вот это новости! Прямо бальзам на душу, — пробормотала я, пряча улыбку.

— Ефим, — снова окликнула я мальчишку, который уже собирался умчаться дальше, разносить сенсации по переулкам, — стой-ка. Есть разговор.

Сумка мальчугана заметно «сдулась» — листовки разлетались, как горячие пирожки на ярмарке.

— Я хочу..., — начала я и тут же услышала утробное урчание, донесшееся откуда-то из района его пуговиц. Мальчишка покраснел и торопливо прикрыл живот ладонью.

— Может, пойдём съедим что-нибудь? Голод не тётка, пирожка не подсунет — улыбнулась я.

Ефим поколебался ровно три секунды — столько, сколько нужно, чтобы гордость проиграла схватку с пустым желудком. Потом решительно отбросил стеснение и кивнул.

Мы выбрали маленькую закусную, где пахло жареным луком и свежей выпечкой. Сели за свободный столик у окна. Подавальщица, женщина с быстрыми руками и острым взглядом, ловко лавировала между столиками, словно капитан между скал: тарелки летели по воздуху, но ни одна не разбилась.

— Нам чего-нибудь вкусенького, побольше и побыстрее, — улыбнулась я.

Через минуту Ефим уже уплетал пирожки с мясом, будто боялся, что их вот-вот отберут, и жадно запивал всё это ароматным отваром.

— Так о чём разговор будет, леди? — сыто откинувшись на спинку лавки, спросил он и похлопал себя по животу, который наконец перестал подавать тревожные сигналы.

— Меня зовут Катерина Максимовна. Расскажи мне, кто даёт тебе листовки?

— Листовки? — Макс непонимающе уставился на меня, потом проследил за моим взглядом, упёршимся в его почти пустую сумку. — А-а, газеты! Так это типография Сотниковых печатает, а мы раздаём.

— И много платят?

— Один медяк в неделю! — гордо отозвался мальчишка, важно задрав нос так высоко, что чуть не уткнулся в люстру. — Это если все газеты раздам.

«Надо же, какая щедрость», — ухмыльнулась я про себя, а вслух мягко спросила:

— А далеко ли типография находится? Сможешь проводить?

Мы остановили повозку, и вскоре колёса застучали по брусчатке, увозя нас в сторону Фабричной улицы. Пока добирались, сытый и словоохотливый Ефим не умолкал ни на минуту — рассказывал про типографию так, будто это был не печатный цех, а древний замок с привидениями. Оказалось, когда-то она была самой именитой в городе: барону Сотникову доверяли печатать и законы, и научные книги, а газета, известная как "Окриджский Вестник" была вообще единственной в городе.

Но потом у барона появилось новое «увлечение» — и все контракты уплыли к конкурентам, как лодки в шторм. Предприятие оказалось на грани закрытия. Работники месяцами не получали зарплату и в конце концов разбежались кто куда. Улица Фабричная, некогда шумная и деловитая, потихоньку пустела: люди покидали дома, которые больше не могли оплачивать, перебираясь в более дешёвое жильё.

Наконец повозка остановилась. Кованные ворота типографии ещё хранили былое величие, но заросшая сорняками территория ясно давала понять: крупных заказчиков здесь не видели давно.

Я попросила извозчика подождать, и мы с Ефимом подошли к неприметной калитке. Едва мы шагнули во двор, как перед нами вырос здоровяк.

— Куда направляетесь, барышня? — грозно преграждая путь, пробасил он.

— Знакомиться с наследством, уважаемый, — я слегка наклонила голову, аккуратно наблюдая за его реакцией. — Леди Сотникова. Екатерина Максимовна. Проводите меня к управляющему.

Е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.